

=====ПСИХОЛОГИЯ=====

УДК 159.9

**АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

© 2008 Е.В.Бакшутова

Самарский государственный педагогический университет

В статье раскрываются основные подходы к изучению русской интеллигенции, ее происхождению и общественной роли. Представлены психологические характеристики, выявленные при анализе публицистики XIX века. Определены возможности социально-психологического исследования этой социальной группы в рамках интеллигентского дискурса. Указаны его основные характеристики – амбивалентность, аксиологичность, эмоциональность и сверхсвязность.

В отечественной социальной психологии значение больших социальных групп определяется тем, что содержание социально-значимых черт человеческой психики формируется именно на макросоциальном уровне: в больших устойчивых социальных группах создаются исторически конкретные социальные нормы, ценности и установки, которые передаются индивиду посредством малых групп и межличностного общения. Большие социальные группы представляют собой психологические общности, формирующие общие жизненные ценности и обеспечивающие социально-психологическую безопасность её представителей.

При этом отмечается, что поскольку культурно-историческое своеобразие устойчивых больших групп (этнических, экономических, политических, профессиональных, религиозных, гендерных, территориальных) складывается исторически, то и «подлинная природа» таких социальных общностей может быть вскрыта только посредством историко-психологического анализа. Многообразие исторически сложившихся социальных объединений в своей основе предполагает наличие неизменных сущностных свойств, таких как стабильность, историчность, общность жизнедеятельности¹. Интеллигенция, обладая рядом интеграционных для большой социальной группы признаков (включённость в широкий

социальный контекст, общность интересов и потребностей, длительность существования, традиции, ценностей, идеалов, осознание участниками своей принадлежности к группе и признание данной группы социальным окружением)², остаётся уникальной и наиболее размытой социальной группой в прошлом и современном обществе.

Изучение проблемы интеллигенции, её возникновения и развития является прерогативой, прежде всего, истории, философии и литературной критики. Однако различные концепции социокультурного генезиса интеллигенции отражают и психические явления, специфически характеризующие большие группы. Прежде всего, это когнитивная сфера, куда относятся коллективные представления, социальное мышление, общественное мнение и осознание общности, ценности, идеология, в целом – групповая ментальность. Мотивационная сфера проявляется в исторически развивающихся групповых потребностях, ценностях, интересах, целях, установках и идеалах, являющихся побудителями социальной деятельности. Аффективная сфера включает в себя социальные чувства, эмоции и групповые настроения; деятельностная – коллективную деятельность и групповое поведение³.

¹ Донцов А.И. О понятии «группа» в социальной психологии // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. А.Л.Свенцицкий. – СПб.: Питер, 2000.

² Донцов А.И. О понятии «группа» в социальной психологии // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. А.Л.Свенцицкий. – СПб.: Питер, 2000. – С.217.

³ Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. – М.: АспектПресс, 2002. – С.215.

В научных исследованиях выделяется пять традиций понимания исторического генезиса интеллигенции, включающих и перечень её психологических признаков⁴.

Народническая традиция и марксизм (М.К.Михайловский, Г.В.Плеханов, В.И.Ленин) начинают историю русской интеллигенции с возникновения разночинства в 40 – 60-е гг. XIX вв. (В.Г.Белинский, А.И.Герцен, Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев и др.) с таким набором свойств, как «беспочвенность», отвлечённая духовность, социальная неукоренённость, скитальчество, «отщепенство».

С истоками русского вольномыслия (А.Н.Радищев, Н.И.Новиков, П.Я.Чаадаев) XVIII – XIX вв. связана другая традиция (Д.Н.Овсяннико-Куликовский, Н.А.Бердяев) истолкования происхождения и развития интеллигенции. В рамках этой концепции интеллигенции характерными психологическими качествами последней выступают индивидуализм, свободолюбие, независимость, нигилизм и идеи национального мессианства.

По мере расширения круга образованных людей в России, из государственной интеллигенции выделяется негосударственная – Радищев, Новиков. В 40-е годы XIX в. через литературу – книги и журналы – просветительская программа начинает реализовываться более широко, но она не антагонистична государству, а развивается параллельно, используя отличные от государственных письменные практики.

Постепенно в интеллигенцию вливаются разночинцы и «образованные из народа». Интеллигенция в России рождается из власти. В моменты социальных катаклизмов и революций, усугублённых большим количеством интеллектуалов, не находящих адекватного применения себе в общественной жизни, не имеющих чётко определённого социального статуса, интеллигенция расслаивается на тех, кто переходит во властные структуры, возвращается в народ, или остаётся в письменной культуре, как единственно возможной инстанции интеллигенции.

Третья традиция выводит интеллигенцию из древнерусских корней (Г.П.Федотов),

⁴ Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: Наука, 1999. – С. 63 – 90

т.е. от первых православных священников, книжников и монахов. Из этих истоков берут своё начало такие черты интеллигенции, как духовное подвижничество, «светская святость», аскетизм, «социальное покаяние» перед народом, эсхатологическая мечта (мечтательность) о грядущем царстве правды.

Религиозный, культовый характер русской интеллигенции отмечает и М.Берг, утверждая, что светская культура в России обретает легитимный статус по типу легитимности церковной, в то время как светская культура в Западной Европе опиралась на институциональные и легитимные возможности общества, конкурировавшего с государством⁵.

Более того, первыми профессиональными, то есть использующими свои умственные способности, писательский талант для получения средств к существованию, интеллигентами, были выходцы из духовного сословия. Основной контингент преподавателей и профессоров российских университетов, воспитателей юношества, были дети священнослужителей⁶. Такие вожди русской интеллигенции, как Добролюбов и Чернышевский, были семинаристами, воспитанными в религиозных семьях духовными лицами. Это был новый культурно-психологический тип, принёсший с собой в культуру и «комплекс церковных стереотипов и сохранивший почти нетронутым свой прежний нравственный облик»⁷.

Субъективное отношение к духовным ценностям – отличительная черта русской интеллигенции. В странах, где духовная культура уже упрочилась, и интеллигенция пережила долгую историю развития, «духовное благо просто приемлется всяким, кто может его воспринять, без урезывания и переоценки». В странах же с молодой духовной культурой наибольшее распространение получает тот тип, который сводится к напряжённому иска-

⁵ Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М.: НЛЮ, 2000. – С.187.

⁶ Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: 1990; Живов В. Маргинальная культура России: рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 37. – С.50 – 55. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: «Гнозис»; Изд. Группа «Прогресс», 1992.

⁷ Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М.: НЛЮ, 2000. – С.190.

нию идей, к тому, что называется выработкой мирозерцания»⁸.

Л.С.Франк подчёркивает этическую сущность интеллигенции: «...русский интеллигент приблизительно с 70-х годов и до наших дней остаётся упорным и закоренелым народником: его Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели, соединённом с аскетическим самоограничением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам»⁹. При этом Франк утверждает, что ценности теоретические, эстетические, религиозные «не имеют власти над сердцем русского интеллигента»¹⁰.

Четвёртая традиция трактовки интеллигенции в отечественной культуре связана с вкладом русского марксизма (В.К.Махайский) и провозглашает противореволюционную сущность интеллигенции, поскольку результатами её труда могут воспользоваться лишь эксплуататорские классы. В свете этой доктрины интеллигенция из друзей постепенно превращается во «врагов народа». По словам В.И.Немцева, «более слабые и совестливые ушли в просветительство, в заботу о народном благе, о здоровье». Автор отмечает, что «многие к интеллигентам относят большевиков и эсеров, которые могли управляться и как раз управились на редкость жестоко. Но именно поэтому Ленина, Троцкого, Спиридонову отнести к интеллигенции что-то мешает, не вписываются они в представление о ней. Всё-таки интеллигент и власть трудно сопоставимы, тем более власть диктаторская. Сюда как-то больше подходит князь Кропоткин, чурающийся как царских, так и советских сановников, подходит всякий отщепенец-интеллектуал, отчуждённый от любой официальности»¹¹. Революционные события подчёркивают сложность взаимоотношения интеллигенции и власти, интеллигенции и революции, и трагедию

«двойного сознания» (Кондаков И.В.) интеллигенции.

Пятая традиция, наиболее распространённая, возводила истоки интеллигенции к петровским реформам и самому Петру I. С этой интерпретацией интеллигенции связаны такие черты, как долг, служение, ответственность и раздвоенность отношения к власти. Как отмечает М.О.Гершензон, «общественность заполнила сознание; разрыв между деятельностью и личной чувственно-волевой жизнью стал общей нормой, больше того – он был признан мерилем святости, единственным путём к спасению души»¹².

Интеллигенция в исторических обществах зарождается в процессе модернизации и принимает на себя функции по реорганизации общественного сознания. Для традиционного общества характерно наличие сакральных ценностей, главные из которых – репродукция и сохранение существующей системы, её главных конструирующих признаков: религии, языка, этноса, власти. «В отличие от индивида традиционного общества, личность в Новое время самостоятельно разрешает для себя все «основные вопросы бытия», вырабатывает свою шкалу ценностных предпочтений, выбирает модель дискурса»¹³.

Развитие интеллигенции на Западе и в России шло разными путями. Реформация христианства и развитие свободных рынков на Западе породили социальное равновесие между интеллектуальным трудом и обществом. По словам Н.Е.Покровского, «согласно структуре рынка, западный интеллектуал производит ровно столько, сколько может потребить общество»¹⁴. Развитие общественной структуры, коммерциализация умственного труда, возможность автономного существования интеллектуалов от власти или общественных слоёв, рождает у интеллигенции собственное самосознание, апеллирующее к определённой культурной аудитории, в которой можно было бы черпать необходимую моральную и мате-

⁸ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909 – 1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 386.

⁹ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909 – 1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С.178.

¹⁰ Там же. – С.169.

¹¹ Парамонов В.Н., Калягин А.В., Гольцов В.И., Коротаева Т.В. Россия во 2-й половине XIX века: выбор путей общественного развития. – Самара: 1993. – С.235.

¹² Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909 – 1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С.77.

¹³ Герасимов И. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С.64.

¹⁴ Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые Вехи): Сб. ст. – М.: Изд. Корпорация «Логос», 1999. – С.34.

риальную поддержку. Интеллигенция России, начав себя осознавать в середине XIX века, «стала историческим продуктом не равновесия, а как раз противоположного – полнейшего дисбаланса общественных сил.

Для советской историографии, определившей интеллигенцию как «прослойку» между рабочим классом и крестьянством, характерно положение: модернизация государства и общества обратилась в идеологической системе самодержавия в свою противоположность – традиционализм, охранительную концепцию русских национальных начал, игнорирование внутренней логики социально-политического развития и освободительных тенденций, антизападничество, отрицательное отношение к идеям конституционализма и демократии, использование церкви в качестве инструмента власти, правовой нигилизм, признание высшим типом государственной власти.

Интеллигенция была вынуждена противопоставить этатистским интересам самодержавия идею важности народного просвещения, цивилизацию управления, перенос на российскую почву западноевропейских социальных и политических институтов. «Здесь перед нами ярко выступает и картина наших бюрократических порядков, постоянно стремящихся стать машинообразными и подвести все явления действительности, не смотря на всё их разнообразие, то один, раз установленный и при том детальный шаблон; здесь перед нами выступает и наше бюрократическое, полное нетерпимости отношение ко всякой общественной самодеятельности и к её представителям; здесь же мы встречаемся и с нашим всеобщим стремлением к начальствованию и с нашим повальным неуважением к правомочиям другой личности и к ограждающим их постановлениям закона и с нашим известным и почти всюду практикуемым правилом: «моему ндраву не препятствуй!»¹⁵.

В России отсутствие общественных институтов, законов, определяющих нормы и формы взаимоотношений государства и народа, наложило отпечаток не только на экономическое и политическое развитие России, но и на её психический склад. Ограничение социальной активности приводит к тому, что групповая деятельность интеллигенции вынужден-

но осуществляется на страницах художественных или публицистических произведений.

Отличительной чертой русской культуры, осознающей себя в «пространстве взрыва» (Лотман), является постоянное функционирование в ней как бинарных характеристик: смех и грех, истинное и ложное, земное – горнее, так и присутствие «Между» (Бубер), стремление к гармонии отношений противоположностей. Бердяев отмечал как «очень национально-русскую черту» то обстоятельство, что «бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством»¹⁶.

В начале XX века складывается резко отрицательная концепция интеллигенции, связанная с недостижением ею «горизонтов ожидания». Это самописание интеллигенции было выдвинуто в сборнике «Вехи» (1909 – 1910 гг.). Основные идеи этого сборника сформировались на страницах журнала «Русская мысль» и подводят итог интеллигентской деятельности, которым стала первая русская революция. Ранее мы писали, что психологический портрет интеллигенции, нарисованный «Вехами» (нигилизм, отщепенство, противогосударственность, героизм, фанатизм, безрелигиозность, склонность к суициду, жажда социальной справедливости и др.), представляет собой эмплитную концепцию интеллигенции¹⁷. Однако говорить об эксплицитности, научности теории интеллигенции, сложившейся к 1909 году, да и к 2009 весьма сложно, поскольку все эти рассуждения осуществляются «изнутри» этой социальной общности, какими бы они ни были – восхваляющими или уничижающими. Особенно, если мы говорим не об историческом или литературоведческом, а о социально-психологическом аспекте.

Главной задачей интеллигенции с момента её зарождения в России выступает просвещение населения, адаптация западноевропейской культуры к российской действительности, постепенное создание гражданского общества. Это контекст актуален как для периода конца XIX – начала XX веков, так и

¹⁵ Русская мысль. – 1880. – № 1.

¹⁶ Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: 1990. – С.11.

¹⁷ Бакиштова Е.В. Социально-психологический анализ ментальности русской интеллигенции конца XIX-начала XX вв. (по материалам журнала «Русская мысль», 1880 – 1918). Автореферат дисс...канд. психол...наук. – Самара: 2005.

спустя сто лет, в конце XX – начале XXI веков. И хотя на страницах «толстых» журналов мы встречаем заголовки, утверждающие, что интеллигенция умерла, и интеллигенции в России нет – само обстоятельство, что эти заголовки (вместе со статьями) появляются, говорит об обратном – интеллигенция в России есть, потому как ни одна другая социальная группа не станет заниматься рассуждениями об интеллигенции, кроме нее самой. И при изменении внешних обстоятельств, суть контекста, «оживляющего» интеллигенцию, остается прежний – социальный дисбаланс. Нарратив интеллигенции «питается энергией социального конфликта, экзистенциального томления, статусной озабоченности и круговой социальной ревности, или рессентимента...Его агентура тяготеет к проблеме самоидентификации»¹⁸.

Очевидно, что после событий 90-х годов XX века, когда интеллигенция подверглась обвинениям в том, что интеллигенция предала самую себя, интеллигенция 90-х сама приговорила себя к будущему забвению и осмеянию и «так ей и надо»¹⁹, слыть и быть интеллигентом стало позорно (у Л.Н.Гумилева спросили однажды: «Вы интеллигент?» – «Да Боже упаси!» – замахал тот руками). Однако, опираясь на результаты нашего исследования, мы не можем не согласиться с мнением Ю.М.Лотмана, что структура содержания интеллигентских писаний свидетельствует о том, что «Пешехонов и Мережковский, Бердяев и Луначарский, Солженицын и Синявский – все они мыслят в одних и тех же категориях, находятся в плену одних и тех же стереотипов»²⁰. Это обусловлено спецификой существования интеллигенции как группы. Можно говорить о предметной, культурной, политической, духовной и др. деятельности и представителей интеллигенции как индивидуальных субъектов; если же речь идет о группе в целом, о групповом субъекте, то здесь деятельность осуществляется только в рамках интеллигентского дискурса. Дискурс это чрезвычайно емкий, и он отличается аксиологичностью, эмо-

циональностью и «сверхсвязностью» (Лотман Ю.М.), что делает его самодостаточным, но и одновременно «аморфным и амбивалентным» (Лотман Ю.М.). Проблема изучения интеллигентского дискурса одновременно осложняется и, возможно упрощается следующим обстоятельством. Поскольку дискурс не может рассматриваться изолированно от социального взаимодействия людей, от контекста, то в данном случае мы видим, что интеллигентский дискурс осуществляется в оппозиции этой социальной группы к власти и в стремлении к спасению народа. Однако анализ текстов, тактик говорящей «классической» интеллигенции свидетельствует скорее о том, что это говорение не иллюкативно, оно не предполагает ни существования другого сознания, т.е. слушающего, ни целенаправленной деятельности. Основной замысел, или цель дискурса – это самоопределение и самоосуществление интеллигенции.

В современном обществе, по сравнению с эпохой классического капитализма, когда интеллигенции принадлежала монополия в духовном производстве и интеллигенция «осознавала себя (и часто выступала) в качестве носителя всеобщей совести общества, в качестве его «всеобщего чувствилища», в котором сходятся все нити чувствования и критического самосознания остальных частей общественного организма, лишенного без нее и голоса, и слуха»²¹, монопольное положение интеллигенции распалось. Она «уже не может претендовать на то, чтобы знать за других или мыслить за них, а затем патерналистски защищать или просвещать их, сообщая готовую абсолютную истину или гуманистическую мораль»²². Возможно, что обвинения против интеллигенции 90-х годов XX века в предательстве ее собственного предназначения связаны с неким застреванием, с остаточными неосознаваемыми, хотя и безостановочно рефлекслируемыми социальными представлениями интеллигенции о своей сущности и миссии. Ис-

²¹ Мамардашвили М.К. Интеллигенция в современном обществе //

<http://www.philosophy.ru/library/mmk/intelligencia.html>.

²² Там же.

²³ Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К.А.Абульхановой, М.И.Воловицкой. – М.: Изд-во ИП РАН. – С.7 – 37

¹⁸ Кустарев А. Конгломерат «интеллигенция» и его нарратив // <http://www.nz-online.ru/print>.

¹⁹ Тарасов А. Десятилетие позора. Тезисы обвинительной речи // http://www.patriotika.ru/actual/tarasov_pozor.html.

²⁰ http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/12.php

тория интеллигенции в других странах показывает, что в условиях модернизации, когда взаимоотношения личности и общества, личности и государства опосредованы легитимными общественными институтами, когда либеральная идея личной и личностной ответственности из идеи превращается в норму социальной жизни, необходимость в таком избыточно душевном слое, как интеллигенция

(русский феномен, которым мы гордимся) отпадает. И нет ничего ужасного в том, что общественное идеологическое и анонимное сознание перестает заменять индивидуальное. Это лишь свидетельствует о зарождении гражданского общества, состоящего из личностей, обладающих зрелым социальным мышлением²³.

THE ANALYSIS OF «INTELLIGENTSIA» CONCEPT IN THE CONTEXT OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL RESEARCH

© 2008 E.V.Bakshutova

Samara state pedagogical university

The article reveals basic approaches to the study of Russian intelligentsia, its origin and its public role. It presents psychological characteristics based on the analysis of socio-political journalism of the XIX century. Opportunities of social-psychological research of this social group are defined within the limits of intellectual discourse. Its basic characteristics such as ambivalence, axiology, emotionalism and superconnectivity have been specified.